

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

EDN: VNMZSB

С.Б. ОРЛОВ¹, Д.В. ЧЕРНЫШКОВ¹

¹ Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова».

659305, Алтайский край, Бийск, ул. имени Героя Советского Союза Трофимова, д. 29, каб. 215А.

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ЗАВОДСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БИЙСКА)

Аннотация. Статья посвящена такому научно-социальному феномену советского времени, как заводская социология. История становления и упадка этой интереснейшей прикладной дисциплины прослежена на примере города Бийска — одного из ведущих центров советской оборонной промышленности 1960—1980-х гг. В основу статьи положены личные воспоминания Сергея Орлова и Людмилы Мрачковской, которые в 1970—1980-е гг. трудились заводскими социологами на таких крупных предприятиях, как НПО «Алтай», Бийский химический комбинат и Бийский олеумный завод. В качестве нового источника информации о работе заводских социологов в научный оборот введены публикации из многотиражной газеты Бийского олеумного завода «За прогресс», которые помогают восстановить картину проблем, волновавших руководство советских предприятий. В заключение выдвигается несколько гипотез, призванных обозначить перспективу дальнейших исследований по теме заводской социологии.

Ключевые слова: заводская социология; история социологии; советская социология; социологическая служба; социологические исследования; Алтайский край; Бийск.

Для цитирования: Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Феномен советской заводской социологии (на примере города Бийска) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 4. С. 169—186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9 EDN: VNMZSB

Наше время, когда изучение мнения и поведения больших групп людей стало неотъемлемым элементом управленческой практики, парадоксальным образом оказалось почти начисто лишено такой формы познания социальной действительности, как заводская социоло-

логия. Если при «тоталитарном режиме» мнения токаря и электрика, аппаратчика и швеи кого-то интересовали, то «свободная Россия», переходящая к эпохе «стабильности», трудящихся замечать почти перестала. Кроме того, сама история заводской социологии, бум которой пришелся на 1960–1980-е гг., изучена довольно слабо и в основном фрагментами разбросана по интервью и мемуарам столичных социологов старшего поколения. Кажется, она неинтересна сегодня даже тем, кто сам когда-то ею занимался... Что же заводская социология собой представляла и чем была? Попробуем это понять на примере одного провинциального города — Бийска.

Предпосылки и условия становления заводской социологии

Заводская социология во времена своего недолгого, но бурного расцвета стала в Советском Союзе главной прикладной разновидностью той «буржуазной лженауки», институциональная реабилитация которой состоялась лишь в конце 1950-х — 1960-е гг. (так, Советская социологическая ассоциация АН СССР была образована в 1958 г., Институт конкретных социальных исследований АН СССР — в 1968 г.). В условиях ограничений на теоретические обобщения, противоречащие официальной (псевдо)марксистской идеологии, она выступила советским эквивалентом функционировавшей на Западе индустриальной социологии.

Оба типа индустриального общества — и капиталистический, и социалистический, несмотря на различие в формах собственности на средства производства, решали одни и те же проблемы, находясь в рамках одной и той же парадигмы научно-технического прогресса. Поэтому для выработки грамотных управленческих решений требовалось максимально оперативно «переводить» стихийно формирующиеся настроения многомиллионной, постоянно растущей массы промышленных рабочих, а также инженерно-технических работников на понятный для корпоративной и государственной бюрократии язык однозначных категорий. По мысли Герберта Маркузе, подобная операционализация помогала индустриальной системе вовремя купировать подспудно нарастающее недовольство людей условиями их труда и складывающимися в ходе производственного процесса взаимоотношениями, а значит, «лечить» недуг неизбежно возникающего отчуждения: «Терапевтический характер операционального понятия проявляется наиболее ярко там, где концептуальное мышление методически ставится на службу изучения и совершенствования существующих социальных условий без изменения структуры существующих общественных институтов — в индустриальной социологии, изучении спроса, маркетинге и изучении общественного мнения» [10, с. 371–377].

Вместе с тем ряд исторических особенностей делает советскую заводскую социологию явлением уникальным. *Во-первых*, научно-техническая революция в СССР потребовала от общества не только расширенного спектра профессиональных навыков, но и организации качественно новых социальных отношений как на производстве, так и в быту. *Во-вторых*, косыгинские реформы 1960-х гг. позволили промышленным предприятиям накапливать материальные и финансовые ресурсы для удовлетворения социальных нужд своих работников (в жилье, детских садах, профилакториях, домах культуры и т. д.), что сразу же поставило вопрос об их (ресурсов) наиболее рациональном использовании. *В-третьих*, в связи с резким усложнением социальной системы назрела проблема (в дальнейшем так и не решенная) качественного совершенствования системы управления на уровне как государства, так и отдельных регионов и городов, социальный ландшафт которых во многом определяли именно трудовые коллективы больших заводов и фабрик.

Однако общественные науки в СССР не могли стать функциональной базой прикладной и, в частности, заводской социологии, поскольку их теоретической основой была объявлена сугубо идеологическая дисциплина — так называемый исторический материализм, который не столько эмпирически изучал общество, сколько предписывал, каким ему надлежит быть. К примеру, директор академического Института философии, а до того заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Федор Константинов указывал: «Конкретные социологические исследования означают творческое применение марксизма как метода познания и объяснения новых социальных явлений и процессов, структуры и механизма действия законов общественного развития» (цит. по: [18, с. 98]). В свою очередь, вице-президент Академии наук Петр Федосеев категорично отмечал: «Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом». Попытки четко отделить прикладную социологию от истмата пресекались, и главенствующей в советской науке стала точка зрения, выраженная Геннадием Осиповым: «Опыт многих социологических исследований показывает, что, как бы ни была совершенна их методика, они оказываются безрезультатными и бесплодными, не имеют научного значения именно в силу пренебрежения общей теорией социального развития» [19, с. 99]. А когда в 1969 г. Юрий Левада в своих лекциях резонно заметил, что «попытки “пристегнуть” эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных... в рамках передовой исторической науки или передовой философии... всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным» [8, с. 13], это, как известно, кончилось для него довольно печально.

Поэтому массово возникающие в 1960–1970-е гг. заводские социологические службы самостоятельно осваивали азы научной работы

и создавали собственные, оригинальные методики исследования. Ученые такую самодеятельность, конечно, критиковали: «Низкий профессионализм лиц, занимающих должности социологов на предприятиях, самым серьезным образом сказывается на качестве проводимых ими исследований, на уровне и эффективности мероприятий социального планирования. Одного энтузиазма и желания заниматься заводской социологией недостаточно» [15, с. 168]. В то время, как известно, ни в одном вузе страны социологов не готовили — только математиков для обеспечения статистических исследований, так что в «прикладники» шли инженеры, филологи, журналисты и т. д. Естественно, их теоретическая база была практически нулевой, но чего было не отнять у людей, открывающих для себя terra incognita социологии, так это огромного интереса и того самого «дилетантского» желания работать.

Существовал минимум литературы, полезной и доступной заводскому социологу в провинции: монография «Человек и его работа» [5], книга «Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях» [3], практическое пособие «Рабочая книга социолога» [17], а также подборки журналов «Экономика и организация промышленного производства» (издается с 1970 г. в Новосибирске) и «Социологические исследования» (издается с 1974 г. в Москве). Кроме того, в 1985 г. специально для функционировавших на предприятиях партийных комитетов КПСС вышло пособие «Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу» [7]. Однако общая скудость теоретико-методологической базы порой оказывалась стимулирующим фактором, что позволяло опираться в работе на конкретный исследовательский опыт.

В силу указанных причин на этапе зарождения заводской социологии для проведения исследований на советских предприятиях активно привлекались вузы и подразделения Академии наук, которые играли роль своего рода научных центров отечественной индустриальной социологии [6, с. 327]. В лидеры этой сферы, помимо Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербург), в 1960–1970-е гг. выдвигаются научные центры в Кохтла-Ярве и Львове, Уфе и Горьком (Нижний Новгород), Перми и Свердловске (Екатеринбург), Новосибирске, Томске и Красноярске, а также ряд других [19, с. 116]. Вслед за тем активно формируются собственно заводские социологические службы, входящие непосредственно в структуру изучаемых предприятий (самые известные примеры — станкостроительный завод «Красный пролетарий», ЗИЛ и АЗЛК в Москве, Кировский завод и приборостроительное объединение «Светлана» в Ленинграде, АвтоВАЗ в Тольятти и КамАЗ в Набережных Челнах, Пермский телефонный и Львовский телевизионный заводы, Тираспольское швейное объединение и ПО «Коммутатор» в Риге, Днепропетровский машинострои-

тельный и Калужский электромеханический заводы и проч.) [6, с. 328, 348; 15, с. 167–168; 19, с. 116–117].

В контексте изложенного выше следует рассмотреть и пример сравнительно небольшого (примерно 200 тыс. человек) города Бийска — второго по численности населения в Алтайском крае. Вначале, во время Великой Отечественной войны, Бийск пережил бурную индустриализацию (сюда были эвакуированы ряд стратегически важных предприятий из европейской части СССР), а затем, в 1960–1980-е гг., стал одним из ведущих центров советской оборонной промышленности со сложными наукоемкими производствами, развитой инфраструктурой (в том числе с собственным аэропортом, к настоящему времени, на фоне туристического бума на Алтае, превратившимся в развалины) и первоклассным человеческим капиталом (сюда приезжало по распределению много молодых красnodипломников из Ленинграда, Харькова, Казани и др.).

То, что происходило с заводской социологией в Бийске, где не ступала нога академического социолога, представляется нам во многом характерным для советской провинции.

Как это делалось в Бийске

Первая социологическая группа в Бийске была образована в марте 1974 г. — в Алтайском научно-исследовательском институте химических технологий (впоследствии научно-производственное объединение «Алтай») по инициативе его директора — Героя Социалистического Труда Якова Федоровича Савченко и секретаря парткома Бориса Петровича Орлова. Это предприятие открылось в 1958 г. и — наглухо засекреченное в первые годы существования — занималось проектированием и изготовлением твердотопливных зарядов для межконтинентальных баллистических ракет. Именно научный потенциал НПО «Алтай» и многочисленных фирм, вышедших в 1990-е гг. из его «шинели», позволил Бийску, давно пережившему пришедшийся на «застойные» времена расцвет, получить в 2005 г. статус наукограда.

Социологическая служба вначале насчитывала всего троих сотрудников. Эта группа входила в состав отдела № 33, который занимался автоматизацией управления технологическими процессами. Именно его вычислительный центр с самыми мощными в Сибири ЭВМ (сначала БЭСМ-6, затем «Эльбрус») использовался для обработки первичной социологической информации, полученной в ходе исследований.

Вскоре статус группы повысился: она была выделена в самостоятельную социологическую лабораторию, подчинявшуюся непосредственно гендиректору НПО. К концу 1977 г., когда инженером-социологом туда устроился старший из авторов данной статьи (С.Б. Орлов, филолог по образованию), она насчитывала шесть человек. Главными направлениями ее работы были:

а) постоянные исследования в течение года, общие для всех социологических служб страны.

Это, во-первых, *разработка и мониторинг выполнения плана социального развития*, который было件язано иметь каждое советское предприятие [1, с. 55; 19, с. 117–118].

Во-вторых, *анализ текучести кадров* на предприятии в целом и в отдельных подразделениях в частности. Не ограничиваясь только анализом статистических данных, сотрудники лаборатории посещали так называемый общественный отдел кадров, где раз в неделю проходили беседы с увольняющимися работниками для выявления истинных причин их ухода. Причем для качественного анализа текучести кадров была разработана уникальная методика, позволявшая не только заниматься мониторингом этого процесса, но и делать в данной области компетентные прогнозы для города и края в целом. (Отметим, что в это же время из Сибирского отделения Академии наук СССР на предприятие прислали методику исследования текучести кадров, где предлагалось измерять ее по абсолютной численности уволившихся, хотя любому начинающему социологу было件нятно, что для получения соизмеримых оценок эту величину необходимо делить на общую численность работников.)

В-третьих, *мониторинг социально-психологического климата* в структурных подразделениях.

В-четвертых, *оценка деловых и личностных качеств работников*, проводимая на трех уровнях: оценка вышестоящих нижестоящими, оценка друг другом людей с равным статусом и оценка нижестоящих вышестоящими;

б) разовые исследования, посвященные выявлению мнений работников по конкретным вопросам;

в) исследования по заказу разного рода организаций — от горкома КПСС до трамвайного управления. Так, например, в 1981 г. по заказу Приобского райкома (Бийск делился на Приобский и Восточный районы) было проведено крупномасштабное исследование эффективности использования персонала предприятий на сельхозработах и степени необходимости самих этих работ.

Основные применявшиеся методы исследования: статистический анализ и анкетирование с различными уровнями выборки. Максимальная по охвату выборка 1981 г. включала классические для мировой социологии 1500 человек.

К середине 1980-х гг. социологическая служба увеличилась количественно и усовершенствовалась качественно за счет психологов, официально став лабораторией социально-психологической адаптации. Новым видом работы было *тестирование прибывших по распределению выпускников вузов* (а их бывало до 400 человек в год) по нескольким тестам, каждый из которых состоял из 200 вопросов. Затем готовились

рекомендации для руководителей подразделения, куда направлялся работник, и на протяжении трех лет осуществлялся контроль его адаптации.

Гендиректор НПО «Алтай» Я.Ф. Савченко внимательно изучал результаты всех социологических исследований. К примеру, старший из авторов провел объемную работу по изучению степени удовлетворенности работников различными сторонами деятельности предприятия, а также социальной жизнью в квартале АБ, где большое количество многоквартирных домов и объектов соцкультбыта было построено именно за счет фондов НПО. Ознакомившись с отчетом, Яков Федорович вызвал социолога, подробно и даже вездливо расспросил о степени достоверности полученных результатов. В частности, его неприятно удивила высокая неудовлетворенность трудящихся отвлечением на строительство спорткомплекса «Заря» и сельхозобъектов в селе Акутиха, а также на работы на мясокомбинате (вряд ли западным социологам когда-нибудь посчастливилось проводить подобные исследования!). После этого Я.Ф. Савченко собрал научно-технический совет, где итоги анкетирования обсудили и вслед за тем приняли конкретные управленческие решения. Так, был составлен график отвлечений работников по отделам и цехам, согласованный с руководителями подразделений, а суммарный объем отвлечений — значительно сокращен. Позднее такого рода графики стали использоваться всеми предприятиями оборонного комплекса Бийска.

Вслед за лабораторией в НПО «Алтай» возникла социологическая служба при городском исполкоме, занимавшаяся планами социального развития на муниципальном уровне. По ее образу и подобию создаются лаборатории на других крупнейших предприятиях, по характерному стечению обстоятельств работавших опять-таки на «оборонку». Так, на приборостроительном заводе (впоследствии производственное объединение «Сибприбормаш») лаборатория была образована в конце 1970-х гг., и на первых порах ее численность достигала уже 20 человек. Затем организуются аналогичные группы на Бийском химическом комбинате (1981 г., численность — шесть человек) и на Бийском олеумном заводе (1983 г., численность — два человека). Все упомянутые предприятия, на которых трудились тысячи бийчан, являлись градообразующими.

Однако эффективность этих служб оказалась, мягко говоря, не очень высокой. Во-первых, там порой работали совсем случайные люди, не знавшие даже азов исследовательской работы. Так, на одном из семинаров по обмену опытом в краевой столице — Барнауле женщина-социолог из ПО «Сибприбормаш» на вопрос, сколько исследований они собираются провести за год, гордо ответила: «Пятнадцать!» (заводские социологи тех времен знают, что с нуля — от постановки задачи до выпуска отчета — в течение года можно было осуществить не

более двух-трех полноценных исследований). А затем, говоря о предполагаемой численности опрошиваемых, заявила о... 100%-ном охвате работников.

Во-вторых, само руководство предприятий иногда не знало, чего именно требовать от социологов, поскольку подобные службы часто создавались по принципу «у соседа (то есть в НПО «Алтай») есть, значит, и у меня должно быть».

Кроме того, работа заводских «прикладников» иногда оценивалась в зависимости от сиюминутной конъюнктуры. Так, в 1986 г. старший из авторов, будучи уже начальником социологической лаборатории Бийского химкомбината, крупнейшего в СССР, провел вполне рядовое исследование степени удовлетворенности заводчан своим трудом (которая оказалась практически нулевой). В это время в стране шла очередная кампания по укреплению трудовой дисциплины. Посетивший комбинат заместитель министра машиностроения Леонид Забелин ознакомился с данным отчетом и использовал его в своем докладе в ЦК КПСС как пример успешного функционирования заводской социологии (хотя практически никаких мер, кроме формально изданных приказов, по данному исследованию принято не было). В другом случае тот же автор получил от городского управления КГБ заказ на проведение исследования по проблемам технической безопасности. Естественно, заказ согласовывался с директором химкомбината Анатолием Карповым и передавался через него. Исследование было проведено на должном уровне, но его результаты оказались ужасающими. Прочитав отчет, директор распорядился его никому не передавать. В итоге разразился скандал, жертвой которого стал сам социолог: ему, к тому времени уже кандидату наук, пришлось сменить место работы, уйти из заводской социологии.

Многотиражка — важный источник по истории заводской социологии

В 1965 г. из состава Бийского химкомбината был выделен олеумный завод, занимавшийся в основном производством взрывчатых веществ для военных и гражданских нужд (в лучшие годы там трудилось свыше 3000 человек). Его социологическую службу в 1983–1988 гг. возглавляла Людмила Семеновна Мрачковская, которая в интервью не только рассказала нам о своей работе, но и любезно поделилась старыми выпусками еженедельной (обычно двухполосной) заводской газеты «За прогресс», где наряду с обсуждением хода пятилетки и результатов соцсоревнований время от времени (раз-два в год) публиковалась информация по ее подразделению.

Примечательна сама трудовая биография нашей информантки. После окончания филологического факультета местного педагогического института она с конца 1960-х гг. работала редактором городского кинопроката. В 1977 г. Людмила Мрачковская, не будучи чле-

ном КПСС, окончила двухгодичные вечерние курсы «Методология и методика марксистско-ленинских социологических исследований» в университете марксизма-ленинизма при горкоме партии. По ее словам, записалась на эти курсы она просто из большого интереса. Занятия проходили дважды в неделю, в группе училось полтора десятка человек.

В 1982 г., узнав о вакансии на химкомбинате, она уволилась со своей престижной должности и трудоустроилась рядовым социологом. Через год, в апреле 1983 г., подобное подразделение создают на олеумном заводе, и Л.С. Мрачковская, уже получив необходимую практику, предложила свои услуги этому предприятию, чтобы, по ее словам, «стать самостоятельной». На БОЗе ее назначили старшим инженером-социологом. Социологическая служба из двух штатных единиц была первоначально образована в составе заводоуправления, однако позднее, в 1986 г., ее переподчинили отделу кадров и технического обучения, тем самым понизив в административном статусе.

В июне 1983 г. Л.С. Мрачковская опубликовала в многотиражке заметку с характерным заголовком «Изучать, чтобы знать». «Перед социологами стоит задача — проводить на предприятии социологические исследования с целью изучения микроклимата производства, причин текучести кадров, повышения производительности труда и эффективности производства, стабилизации трудовых коллективов и творческой активности трудящихся, — объясняла она заводчанам. — В настоящее время на заводе проводится исследование по изучению общественно-политической активности молодежи. <...> Юношам и девушкам пришлось задуматься над такими вопросами: “Связываете ли Вы свое будущее с работой на нашем заводе?”, “Как Вы оцениваете свой коллектив?”, “Что Вы приобрели для себя, работая в этом коллективе, и кто в этом помог?”, “Есть ли среди коммунистов человек, которому Вы бы хотели подражать?” и другие. Ответы на вопросы будут использоваться в обобщенном виде и послужат основой для изучения и улучшения форм работы с молодежью» [11]¹.

Уже спустя пару месяцев была напечатана заметка, где с опорой на проведенное социологическое исследование заместитель директора завода по кадрам сокрушался: «За истекшее полугодие на завод принято около 500 человек. За этот же период уволено 470 человек. Эти цифры говорят сами за себя. <...> Основной причиной увольнения называется отсутствие на заводе возможности скорого получения жилья, но часто

¹ Все упоминаемые в тексте заметки из многотиражки «За прогресс» можно прочитать в Приложении к этой статье на официальном сайте «Социологического журнала» по адресу: URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9455/9247>

встречаются жалобы и на неудовлетворительную организацию труда. Эти и другие ответы — хороший повод для размышлений» [4].

В следующий раз упоминания о работе социологов встречаются в заводской печати через год, в сентябре 1984 г.: в довольно большой статье инженер-социолог А. Лобаскин делится результатами масштабного исследования проблемы пьянства на предприятии. По итогам анкетирования в двух цехах (по производству взрывчатки и в железнодорожном соответственно) он констатировал: «В сравнительно благополучном 5-м цехе 52% опрошенных были свидетелями появления рабочих в нетрезвом виде или употребляющих спиртное на работе. И что же они предприняли? 47% опрошенных — не обратили внимания, 21% — скрыли от руководства, 21% — сообщили начальнику смены, и только 5% помешали этому. В цехе № 40 эти показатели гораздо хуже» [9].

В 1985 г. в четырех цехах было проведено исследование по выявлению причин нарушений техники безопасности и пожарной безопасности. «Неоправданно высоким оказался процент нарушений, связанных с невыполнением типового порядка приема и сдачи смены, халатностью самих рабочих, некачественным инструментом, отсутствием контроля со стороны мастеров и со многим другим. <...> Анализ анкетного материала показал, что предельная внимательность при проведении производственных работ напрямую зависит от состояния морально-психологического климата в коллективе. Невнимание к личности рабочего, его психическому состоянию неизбежно ведет к психологической неудовлетворенности, снижению производительности труда и нарушению правил безопасности» [2].

В том же 1985 г. социологическая группа БОЗ занималась анкетным изучением организации жизни и отдыха молодых рабочих в заводском общежитии и выявила их претензии к бытовым условиям: большая часть опрошенных (74%) регулярно проводили свободное время за пределами общежития, «то есть не считают общежитие местом для полноценного отдыха», потому что там нет ни кружков, ни секций, ни встреч с интересными людьми. На вопрос «Какую роль играет комитет ВЛКСМ в организации жизни вашего общежития?» 28% ответили «никакую», 19% — «незначительную». А представители заводской администрации и «общественных организаций» (то есть профсоюзного и партийного комитетов) названы в общежитии «редкими гостями» [2].

В 1986 г. социологи проводили очередное изучение эффективности мероприятий по борьбе с пьянством и нарушениями трудовой дисциплины, а также исследовали адаптацию и закрепление в восьми цехах завода выпускников училищ и техникумов. Так, 17% опрошенных молодых рабочих тогда указали, что у них нет наставника. «Были отмечены и такие случаи, когда за молодыми специалистами закреплялись люди, не заслуживающие права быть наставником. <...> Результаты

анкетирования показали, что выбранная профессия нравится 79% опрошенных юношей и девушек. А вот тем, как складывается их трудовая деятельность, удовлетворены только 64%. <...> Не во всех цехах хорошие бытовые условия. <...> Многие жалуются на работу столовой. Зачастую молодые рабочие выполняют подсобные работы, а не трудятся по полученной специальности» [12].

В начале 1987 г. заводские социологи поделились отзывами с мест о бригадной форме организации труда, в рамках которой оценивался трудовой вклад каждого конкретного работника и в соответствии с этим повышался уровень его зарплаты, что приводило к ощутимому сокращению числа нарушений трудовой дисциплины, но при этом в масштабе всего предприятия эта форма приживалась почему-то с трудом. «Как показало исследование, работа по бригадному методу усиливает у рабочих чувство ответственности, заинтересованности в делах коллектива. 53% респондентов отметили: “Увеличилась взаимопомощь и поддержка в бригаде”». В то же время «рабочие отметили пункт о невозможности распределить работу так, чтобы удовлетворить всех (65%)» [14].

Последним газетным материалом Л.С. Мрачковской стала заметка, посвященная острому трудовому конфликту на литейном участке ремонтно-механического цеха. С помощью анкет и интервью там был проведен почти сплошной опрос — среди 90% работников, более половины из которых указали на необходимость замены начальника участка [13]. Начальника оставили на месте, а вот самой исследовательнице в начале 1988 г. с завода (и вообще из профессии) пришлось уйти, после чего история социологии здесь — и это в самый разгар перестройки и «гласности»! — фактически завершилась.

Рассказ нашей информантки вызывает противоречивые мысли по поводу реального статуса социолога на данном предприятии. С одной стороны, она исправно присутствовала на утренних планерках у директора вместе с главными специалистами и начальниками цехов. «Я была в курсе всех проблем, они откладывались у меня в мозгу, и по мере остроты темы я разрабатывала план исследований», — сообщила Л.С. Мрачковская. Социологи также участвовали в подготовке личных характеристик для переаттестации кадров, а их отчеты с обработанными вручную (без ЭВМ!) результатами социологических исследований и конкретными рекомендациями столь же исправно ложились на стол руководству. С другой стороны, бывший главный инженер (1982–1987) и директор (1987–2008) Бийского олеумного завода Анатолий Ананьин, к которому мы обратились с вопросами во время работы над статьей, не смог припомнить *ни одного* управленческого решения, которое было бы принято на основе данных исследований.

В целом это подтверждает сказанное выше: руководители советских предприятий далеко не всегда сознавали, зачем им в действи-

тельности нужны социологи и как можно использовать результаты их работы.

Заводская социология на финальном этапе

В начале 1980-х гг. руководство страны наконец-то обратило внимание на социологию. Так, в июне 1983 г., за восемь лет до распада Советского Союза, генеральный секретарь Юрий Андропов, до того многолетний руководитель *самого информированного* ведомства в стране, на пленуме ЦК КПСС сделал знаменитое заявление: «Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок. <...> Жизнь постоянно выдвигает все новые и новые проблемы, с которыми связано движение нашего общества вперед. Тем более что теперь имеется и опыт социалистического развития ряда других стран, который требует внимательного изучения, оценки и обобщения. Словом, на роль общественных наук в современных условиях обязательно надо обратить внимание в новой редакции Программы КПСС»².

И уже вскоре на заседании президиума Академии наук все тот же Петр Федосеев призвал Институт социологических исследований сосредоточиться на «выявлении общей картины развития социалистического общества на современном его этапе», а для этого «объединить все социологические подразделения, существующие в стране, и прежде всего многочисленных заводских социологов, координировать их усилия, оказывать им методическую помощь» (цит. по: [6, с. 19]). Впрочем, во всем Советском Союзе, где насчитывалось чуть более 500 предприятий с собственной социологической службой, данная помощь выразилась главным образом в организации курсов повышения квалификации заводских социологов Москвы и Московской области [6, с. 13, 22].

Отметим, что и на Алтае делались попытки некоей координации работы «прикладников». С начала 1980-х гг. проходили регулярные встречи социологов Бийска и работников Горно-Алтайского обкома партии, которые пытались проводить исследования в своей автономии, входившей тогда в состав Алтайского края (ныне это самостоятельный субъект Федерации — Республика Алтай). А с 1985 г. в краевой столице организовывались семинары для заводских социоло-

² См.: Речь Генерального секретаря Центрального комитета КПСС товарища Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. // Советская культура. 1983. 16 июня. № 72. С. 2.

логов Бийска, Рубцовска и Барнаула под патронатом Святослава Григорьева, заведующего кафедрой общей социологии Алтайского госуниверситета и основателя так называемой Алтайской социологической школы. Однако особенно полезными они не стали и к 1988 г. прекратились.

К началу же 1990-х гг., когда госпредприятия были отпущены в свободное плавание по волнам рынка, история заводской социологии в стране, за редкими и счастливыми исключениями [16], сходит на нет. В Бийске лаборатория при НПО «Алтай» в 1992 г. была переведена в только что созданную престижную школу — Бийский лицей-интернат, где вяло просуществовала еще несколько лет. Социологическая группа при химкомбинате была распущена в том же 1992 г., — лишь двое ее сотрудников перешли в отдел маркетинга приватизированного (и позднее ликвидированного) предприятия. В штатном расписании олеумного завода вакансия социолога пережила 1991 г. только потому, что после запрета КПСС на эту ставку временно перевели последнего секретаря заводского парткома. А группы на «Сибприбормаше» и при горисполкоме закрылись еще в конце 1980-х гг. От социологических служб одного из самых развитых промышленных центров Сибири не осталось ничего.

Заключение

В завершение, не претендуя на универсализацию описанного выше опыта, все же позволим себе на его основе выдвинуть несколько гипотез.

1. Наиболее активно заводская социология развивалась там, где руководители предприятий испытывали особую потребность в достоверной информации о настроениях, проблемах и нуждах вверенных им коллективов (прежде всего на стратегических и градообразующих производствах). В этом случае административный статус социологической службы либо изначально был высоким, либо повышался со временем (она переходила в непосредственное подчинение директору), как в НПО «Алтай». В противном случае, если это было чем-то вроде веяния моды среди местной партийно-хозяйственной номенклатуры, ее либо сразу, либо так же со временем делали придатком какого-либо структурного подразделения (пример Бийского олеумного завода).

2. В условиях фактического отсутствия доступа к рабочим материалам заводских «прикладников», глубоко погребенным в архивах уцелевших предприятий либо давно отправленным в мусорную корзину, ценным источником информации о заводской социологии, еще только ждущим добросовестного исследователя, становятся старые подшивки многотиражных газет (такую газету старалось завести каждое уважающее себя советское предприятие). Наряду с воспоминаниями самих

социологов эти материалы помогают восстановить подлинную картину проблем, беспокоивших советский хозяйственный менеджмент: неудовлетворенность людей условиями труда и, как следствие, слабая трудовая мотивация и дисциплина, большая текучесть кадров, пьянство на рабочем месте, низкий авторитет начальства и т. д. Иногда социологические отчеты становились тем зеркалом, в которое было неприятно заглянуть и самим управленцам, а получение негативных результатов исследований могло повлечь столь же негативные карьерные последствия для социологов, если те вдруг наивно уверовали, что от них всегда ждут только правду и ничего кроме правды (опыт С.Б. Орлова и Л.С. Мрачковской).

3. Заводская социология в СССР во многом держалась на плечах подобных энтузиастов, которых, несмотря на довольно жесткие идеологические ограничения, в эту профессию приводил огромный интерес к познанию социальной действительности. Это подтверждается тем, что порой они переходили на должности социологов с более статусной и лучше оплачиваемой работы (пример Л.С. Мрачковской). При этом в отсутствие профильных вузовских программ обучение приемам и методам сбора социологической информации могло проводиться как на самом рабочем месте (случай С.Б. Орлова), так и в рамках местного партийного обучения, в том числе для беспартийных специалистов (случай Л.С. Мрачковской).

4. Коллапс заводской социологии в ходе распада СССР был вызван радикальной трансформацией породившей ее социальной среды (развитого индустриального общества высокой сложности, социальная жизнь которого строилась в основном вокруг трудовых коллективов крупных госпредприятий) и, как следствие, резким понижением социального статуса производительного труда, который перестал считаться предметом, достойным большого интереса. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить быстрое исчезновение всех социологических служб в Бийске на рубеже 1980–1990-х гг., несмотря на то что сам объект исследования заводской социологии никуда не делся.

Разумеется, подтвердить либо опровергнуть данные гипотезы можно только широким обобщением опыта заводских социологов из самых разных уголков страны, если таковое когда-нибудь будет предпринято. Перспективным представляется изучение и самой социальной группы «заводские социологи», объединявшей в свое время тысячи исследователей. Пока же всего этого не сделано, история отечественной заводской социологии, по большому счету, останется не написанной. Надеемся, что наш анализ того, как функционировали заводские социологические службы в отдельно взятом провинциальном городе, станет хотя бы небольшим шагом на этом огромном пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследования социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59. EDN: STFCCKF
2. *Востокова Л.* Интервью с социологом // За прогресс: орган парткома, профкома, комитета комсомола и администрации Бийского олеумного завода. 1986. 8 января. № 1.
3. Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях. Теоретические и методологические вопросы анализа текучести / Под ред. Е.Г. Антосенкова. М.: Экономика, 1974. — 287 с.
4. *Замчалов Б.* Причина текучести кадров // За прогресс. 1983. 10 августа. № 29.
5. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П.* Человек и его работа (социологическое исследование). М.: Мысль, 1967. — 392 с.
6. *Иванов В.Н.* Социология в СССР (записки директора института). Изд. 2-е. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 400 с. EDN: VBIQTV
7. Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985. — 223 с.
8. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии // Левада Ю.А. Сочинения. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 7–296.
9. *Лобаскин А.* Необходим комплекс мер // За прогресс. 1984. 19 сентября. № 34.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2003. С. 251–515. EDN: QOCENB
11. *Мрачковская Л.* Изучать, чтобы знать // За прогресс. 1983. 22 июня. № 23.
12. *Мрачковская Л.* На завод пришел новичок // За прогресс. 1986. 27 августа. № 33.
13. *Мрачковская Л.* Что показало экспресс-исследование // За прогресс. 1988. 6 января. № 1.
14. *Мрачковская Л., Тырышкина Л.* Год назад созданы бригады в первом цехе // За прогресс. 1987. 1 июля. № 25.
15. *Подмарков В.Г., Зайцев А.К., Новиков В.В.* Проблемы заводской социологии // Социологические исследования. 1977. № 3. С. 162–169.
16. *Попова Н.В.* Социология на предприятии Урала: заметки заводского социолога // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 60–66. DOI: 10.7868/S0132162517070078 EDN: YZLIVF
17. Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1976. — 512 с.
18. *Филиппов А.Ф.* Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 91–105. EDN: SYNZNB

19. Щербина В.В. Заводская социология и управленческое консультирование в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 115–124. EDN: IQFUCX

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Орлов Сергей Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова». **Телефон:** +7 (913) 249-93-83. **Электронная почта:** sborlov@mail.ru

Чернышков Дмитрий Викторович — кандидат философских наук, научный сотрудник, научно-образовательный центр инновационных исследований в общественных науках, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова». **Телефон:** +7 (960) 962-98-34. **Электронная почта:** d_vch@mail.ru

Дата поступления: 10.07.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 4. P. 169–186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

Research Article

SERGEY B. ORLOV¹, DMITRY V. CHERNYSHKOV¹

¹ Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University. 29, Geroya Sovetskogo Soyuza Trofimova str., office 215A, 659305, Biysk, Altai region, Russian Federation.

THE PHENOMENON OF SOVIET FACTORY SOCIOLOGY (BASED ON BIYSK CITY)

Abstract. This article is devoted to such a scientific and social phenomenon of the Soviet era as factory sociology. The history of the formation and decay of this extremely interesting applied discipline is traced using the example of Biysk city, one of the leading centers of the Soviet defense industry in the 1960's – 1980's. The article is based on the personal memories of Sergey Orlov and Lyudmila Mrachkovskaya, who in the 1970's and 1980's worked as factory sociologists at such large enterprises as the Research and Production Association “Altai”, the Biysk Chemical Combine, and the Biysk Oleum Plant. Publications of the corporate newspaper of the Biysk Oleum Plant “Za progress” (“For Progress”) have been introduced into scientific circulation as a new source of information about the work of factory sociologists, and this helps in understanding problems that were of concern for the management of Soviet enterprises. In conclusion, several hypotheses are put forward to indicate the horizon for further research on the topic of factory sociology.

Keywords: factory sociology; history of sociology; Soviet sociology; sociological service; sociological research; Altai region; Biysk.

For citation: Orlov, S.B., Chernyshkov, D.V. The Phenomenon of Soviet Factory Sociology (Based on Biysk City). *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 169–186. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.4.9

REFERENCES

1. Abramov R.N. “Structuralists” and “Industrial Sociologists”: on the History of Studying Social Professional Groups in the USSR, 1960–1980th. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2014. No. 10. P. 50–59. (In Russ.)
2. Vostokova L. The interview with a sociologist. *Za progress*. [“For Progress”, organ of the party committee, the trade union committee, the committee of the Komsomol, and the administration of the Biysk Oleum Plant.] 1986. January 8. No. 1. (In Russ.)
3. *Dvizhenie rabochikh kadrov na promyshlennykh predpriyatiyakh. Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy analiza tekuchesti*. [The movement of workers in industrial enterprises. Theoretical and methodological issues of the staff turnover analysis.] Ed. by E.G. Antosenkov. Moscow: Ekonomika publ., 1974. 287 p. (In Russ.)
4. Zamchalov B. A cause of staff turnover. *Za progress*. 1983. August 10. No. 29. (In Russ.)
5. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. *Chelovek i ego rabota (sotsiologicheskoe issledovanie)*. [Man and his work (a sociological study).] Moscow: Mysl publ., 1967. 392 p. (In Russ.)
6. Ivanov V.N. *Sotsiologiya v SSSR (zapiski direktora instituta)*. [Sociology in the USSR (notes of a director of the institute).] 2nd ed. Moscow: U Nikitskikh vorot publ., 2018. 400 p. (In Russ.)
7. *Kak provesti sotsiologicheskoe issledovanie. V pomoshch' ideologicheskomu aktivu*. [How to conduct a sociological study. To help ideological activists.] Ed. by M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Moscow: Politizdat publ., 1985. 223 p. (In Russ.)
8. Levada Yu.A. Lectures on sociology. *Sochineniya*. [Writings.] Moscow: Publisher Karpov E.V. publ., 2011. P. 7–296. (In Russ.)
9. Lobaskin A. A set of measures is needed. *Za progress*. 1984. September 19. No. 34. (In Russ.)
10. Marcuse H. One-dimensional man. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitygo industrial'nogo obshchestva*. [Eros and civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society.] Transl. from Eng., afterword, note by A.A. Yudin; Comp., preface by V.Yu. Kuznetsov. M.: AST, 2003. P. 251–515. (In Russ.)
11. Mrachkovskaya L. Studying for knowing. *Za progress*. 1983. June 22. No. 23. (In Russ.)
12. Mrachkovskaya L. A novice came to the plant. *Za progress*. 1986. August 27. No. 33. (In Russ.)
13. Mrachkovskaya L. What exactly the express study showed. *Za progress*. 1988. January 6. No. 1. (In Russ.)
14. Mrachkovskaya L., Tyryshkina L. Work teams were created in the workshop No. 1 one year ago. *Za progress*. 1987. July 1. No. 25. (In Russ.)
15. Podmarkov V.G., Zaytsev A.K., Novikov V.V. Problems of factory sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1977. No. 3. P. 162–169. (In Russ.)
16. Popova N.V. Sociology at an Urals Enterprise: Notes of Factory’s Sociologist. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 7. P. 60–66. DOI: 10.7868/S0132162517070078 (In Russ.)
17. *Rabochaya kniga sotsiologa*. [The workbook of sociologist.] Ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka publ., 1976. 512 p. (In Russ.)
18. Filippov A.F. The Soviet sociology as a police science. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2014. No. 3. P. 91–105. (In Russ.)

19. Shcherbina V.V. Factory sociology and management consulting in the Soviet and post-Soviet periods. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. No. 6. P. 115–124. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey B. Orlov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University. **Phone:** +7 (913) 249-93-83. **E-mail:** sborlov@mail.ru

Dmitry V. Chernyshkov — Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Scientific and Educational Center for Innovative Research in Social Sciences, Biysk Technological Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University. **Phone:** +7 (960) 962-98-34. **E-mail:** d_vch@mail.ru

Received: 10.07.2023.
